
ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 908+394.21+393.05+294.321+291.37+781.7

DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-92-104

Сангарил у мирян-буддистов Бурятии

О. В. Новикова¹, А. С. Дылгырова², С. Д. Гымпилова³

¹Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки

²Восточно-Сибирский государственный институт культуры

³Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Аннотация

В данной работе обобщаются опубликованные и собранные авторами в ходе полевых исследований материалы о бытовании в Бурятии коллективного моления мирян-буддистов *сангарил*. В статье раскрывается история изучения данного явления, возникшего в первые десятилетия советской власти, этнография *сангарила*, значение некоторых обрядовых действий. Описывается структура трех служб, зафиксированных в селах Ушхайта и Кижинга Кижингинского района и в поселке Хоринск Хоринского района Республики Бурятия, в которых чтение молитв *маани* чередуется с исполнением *магтаалов* – прославлений буддийским святыням. Делается вывод об актуализации этой обрядовой традиции в связи с современными историческими реалиями, ее значении в сохранении культурных ценностей и традиций, этнической идентичности бурятского народа.

Ключевые слова

сангарил, народный буддизм, буддизм в Бурятии, ламаизм, *магтаал*, *маани*, музыка буддийского культа, буддийские тексты

Благодарности

Авторы благодарят шэрээтэ-ламу (настоятеля) Анинского дацана В. Б. Дарижапова (Легцока ламу), ламу Санагинского дацана Б. Б. Цыденова (Джампа Монлам ламу), а также старшего научного сотрудника сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН Е. Л. Тирон за ценные замечания и комментарии, высказанные в ходе подготовки данной статьи.

Для цитирования

Новикова О. В., Дылгырова А. С., Гымпилова С. Д. *Сангарил* у мирян-буддистов Бурятии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 92–104. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-92-104

© О. В. Новикова, А. С. Дылгырова, С. Д. Гымпилова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

***Sangaril* of lay Buddhists of Buryatia**

O. V. Novikova¹, A. S. Dylgyrova², S. D. Gympilova³

¹ Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka

² East-Siberian State Institute of Culture

³ Institute of Mongolian, Buddhism and Tibetan Studies of SB RAS

Abstract

This article summarizes the materials collected and published by the authors during their field research in Buryatia on the practice of the collective prayer of lay Buddhists, referred to as *sangaril*. It was not until the twentieth century that researchers began studying this phenomenon of lay Buddhists. Among the most prominent studies are the works of S. G. Zhambalova and D. S. Zhamsueva. The examination of these works and some earlier sources has enabled the authors of this article to present a meticulous account of the history surrounding the introduction of *sangaril* during the early stages of Soviet power. A comprehensive description covers the timeline, implementation process, participant prerequisites, and religious artifacts associated with the ritual. The structure of three *sangarils* recorded in the villages of Ushkhaita and Kizhinga of the Kizhinga district and in the Khorinsk settlement of the Khorinsk district of the Republic of Buryatia is characterized. The variation in the sequence of sections of the ritual is discussed, with a focus on the normative, recurrent in different villages, and mobile ones. The correlation between Tibetan, Mongolian, and Buryat sacred texts is discussed. The analysis covers the musical component of the ritual, including the recitative reading of *mani* prayers alternating with the performance of *magtaals* (glorifications to Buddhist shrines sung on typical song tunes). The Buryat text of one *magtaal* is provided with a Russian translation and comments. The conclusion emphasizes the importance of *sangaril* in preserving the cultural values and ethnic identity of the Buryat people.

Keywords

sangaril, folk Buddhism, Buddhism in Buryatia, Lamaism, *Magtaal*, *Maani*, Buddhist cult music, Buddhist texts

For citation

Novikova O. V., Dylgyrova A. S., Gympilova S. D. *Sangaril u miryan-buddistov Buryatii* [Sangaril among laymen Buddhists of Buryatia]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 82–91 (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-92-104

Введение

Коллективное моление *сангарил* буддистов-мирян – групповой обряд, который проводится силами местных территориальных сообществ верующих [Сабиров, 2018], состоящих из родственников и соседей [Ламаизм, 1983], без обязательного участия лам. Он относится к разряду бытовых обрядов [Буддизм, 2014, с. 158] так называемого народного буддизма [Жамбалова, 2011].

Несмотря на то, что первое упоминание о *сангарилах* как о коллективных молениях, проводимых пожилыми мужчинами и женщинами, содержится в статье 1969 г. Н. Л. Жуковской (см. [Жуковская, 2011]) и коллективной монографии «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века» [Ламаизм, 1983], специальное его исследование начато лишь в работах С. Г. Жамбаловой 2000–2010-х гг. Определяя *сангарил* как проявление народного буддизма, в монографии «Профанный и сакральный миры ольхонских бурят» [Жамбалова, 2000], статьях «О народном буддизме в современной Бурятии» [Жамбалова, 2011], «Народный буддизм и *сангарил* у бурят» [Жамбалова, 2014], «Новая народная религиозная практика бурят-буддистов – ответ на вызовы советского времени» [Жамбалова, 2015], монографии «Погребальная обрядность бурят» [Жамбалова, Суворова, 2017] автор, основываясь на собственных полевых материалах, описывает современное состояние данного явления в разных районах Бурятии и высказывает убедительные гипотезы о возникновении *сангарила*, датируя начало проведения молебнов верующими без участия лам второй половиной 1940-х гг. XX в.

Исследования С. Г. Жамбаловой дополняет экспедиционными наблюдениями, касающимися особенностей бытования *сангарила* в разные периоды и в разных районах Бурятии, Д. С. Жамсуева в статье «Функциональное назначение некоторых обрядов бурят, посвященных всеобщему благополучию и лучшему перерождению» [Жамсуева, 2022]. Важные наблюдения по поводу музыкальной составляющей записанных от мирян буддийских песнопений, в частности о влиянии на стиль *магталов* песенной традиции бурят, высказывает в своих работах Л. Д. Дашиева [Дашиева, 2010; Дашиева, 2019]. Она, а также Ц.-Б. Бадмажапов [Бадмажапов, 2008] приводят отдельные тексты бурятских прославлений.

Исполнение буддийских молитв и прославлений буддийских святынь *магтаал* буддистами-мирянами неоднократно фиксировалось во время полевых музыкально-этнографических исследований, в частности О. В. Новиковой, Н. М. Кондратьевой, Д. Д. Дондуповым [Кондратьева, Новикова, 2003; Леонова и др., 2009], Л. Д. Дашиевой [Дашиева, 2019]. По сведениям последнего автора, «в аудиокolleкции фоноархива Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук ... хранятся уникальные аудиозаписи образцов *маани* и *дасанай магтаалнууд*, посвященные монгольским и бурятским дацанам: Ургинскому, Агинскому, Анинскому, Кижингинскому, Эгитуйскому и др.» [Дашиева, 2019, с. 231]. Бытование сборников с названием «*Сангарил*» в среде мирян-буддистов отмечал в своих работах А. А. Базаров [Базаров, 2000; Базаров, 2015; Базаров, Ринчинов, 2016].

Сангарил как явление бурятской традиционной культуры

По мнению С. Г. Жамбаловой, коллективное чтение буддийских молитв в народной среде *сангарил* возникло как реакция верующих на антирелигиозное давление первых десятилетий советской власти [Жамбалова, 2014, с. 121–122; Жамбалова, 2015]. В 1930-е гг. после официального запрета религии в стране на территории Бурятии она ушла в подполье: люди собирались для молитв в маленьких селах, на отдаленных фермах [Жамбалова, 2015, с. 55]. В середине 40-х гг. XX в., когда открылся Иволгинский дацан, стали возвращаться из лагерей и ссылок ламы, это движение интенсифицировалось, но также широко не афишировалось. Первоначально *сангарилы* проводились под руководством мужчин, в основном лам либо знающих стариков, которые передавали свой опыт женщинам [Жамбалова, 2014, с. 121, 122]. Основным местом проживания возвращающихся из ссылок лам был Еравнинский район как наиболее удаленный от границы. В современной Бурятии *сангарил* «легализовался», значительно расширил ареал и фиксируется сегодня в Кижингинском, Хоринском, Еравнинском, Иволгинском, Джидинском, Заиграевском, Мухоршибирском, Бичурском р-нах и г. Улан-Удэ.

В настоящее время *сангарил* проводится преимущественно пожилыми женщинами, глубоко верующими людьми, к которым постоянно присоединяются более молодые поколения пенсионеров [Жамбалова, 2014, с. 121]. Имеются также немногочисленные свидетельства о *сангариле* с участием лам [Жамсуева, 2022, с. 727]. Традиция проведения *сангарила* в настоящий период передается преимущественно внутри сельской / городской общины.

Групповое моление *сангарил* традиционно устраивается 8, 15, 30 числа каждого месяца по лунному календарю, в дни «Дүйсэн үдэр», когда благодетельные поступки и греховные деяния приумножаются стократно [Базаров, Бураева, 2015, с. 119; Жамбалова, 2000, с. 245], вне храма, в частном доме или общественном помещении (в с. Улзытэ Кижингинского р-на, например, есть специальный дом – *сангарилай гэр*). По экспедиционным данным авторов статьи¹, служба

¹ С 15 по 22 октября 2023 г. в Республике Бурятия работала Всероссийская фольклорно-этнографическая экспедиция по выявлению объектов нематериального этнокультурного достояния народов России, проведенная по инициативе Министерства культуры РФ в рамках национального проекта «Культура», под эгидой Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова и АНО «Содействие развитию культуры и массовых коммуникаций «Культурный регион», под кураторством Республиканского центра народного творчества при поддержке Министерства культуры Республики Бурятия. Участниками экспедиции стали О. В. Новикова (руководитель), С. Д. Гымпилова,

длится около трех часов и начинается утром; может также проводиться утром и повторяться в этот же день после обеда [Жамсуева, 2022, с. 726], проходить ночью либо длиться до трех суток [Жамбалова, 2011, с. 92; Жуковская, 2013].

Сангарил входит составной частью в похоронные ритуалы: считалось необходимым устраивать трехдневные чтения молитв, как минимум одно из которых желательно было провести до похорон. По представлениям верующих, *сангарил* «способствует тому, чтобы осветить дорогу покойнику и чтобы она открылась для перерождения ушедшего человека в новом теле (или в новом рождении)» [Жамсуева, 2022, с. 728]. На *сангарил* приходят родственники, друзья, соседи, хорошо знавшие усопшего, чтоб почтить его память [Жамсуева, 2022, с. 728]. Кроме того, *сангарил* может быть проведен по заказу на дому у кого-то из прихожан буддийской общины – в связи с каким-то семейным событием (накануне свадьбы, отъезда на учебу, службу, перед поступлением ребенка в вуз и пр.), чтоб обеспечить его благополучное осуществление.

По сведениям исследователей, цель *сангарила* – испрашивание благополучия для детей, долгой и богатой жизни без болезней, хорошего перерождения умершего и скорейшего достижения нирваны [Жуковская, 2013]. Его читают для долголетия, житейского благополучия, здоровья людей и особенно детей [Ламаизм, 1983, с. 220].

Сангарилы посвящены буддийским богам – *Шакьямуни*, *Арьяболо*, *Ногон Дара-эхэ*, *Цаган Дара-эхэ* и т. д. [Жуковская, 2013, с. 293–294; Ламаизм, 1983, с. 220]. Основная молитва обряда – о благополучии всех живых существ – посвящается Зеленой Таре (*Ногоон Дара-эхэ*), молитва о долгой жизни – Белой Таре (*Сагаан Дара-эхэ*), для достижения хорошей, богатой жизни без болезней – *Цзонхаве*, для хорошего перерождения умершего родственника – *Шакьямуни*, для быстрого достижения нирваны – *Авалокитешваре* (*Арьяболо*) [Жамсуева, 2022, с. 726]. Экспедиционные исследования показали, что *Мигзым* (*Мэгзэм*) произносит бабушка новорожденного во время первого положения ребенка в колыбель, эту молитву также читают на длинную дорогу, от плохого сна, на благополучие детям, уезжающим учиться далеко, и пр.; *Ногоон Дара-эхэ* читают, когда кто-то умирает [Леонова и др., 2009].

Организатором и распорядителем *сангарила* обычно бывает наиболее авторитетный и знающий пожилой человек, чаще всего женщина, которую выбирают сами участники моления. В некоторых сообществах в этой роли выступает *шабганса* – мирянка, на склоне лет принявшая монашеские обеты (*нахил*) и постриг, получившая право носить *орхимжо* – полосу красной материи, перекидывающуюся через плечо [Жамбалова, 2011, с. 89, 92].

До начала *сангарила* хозяева обновляют подношения на домашнем алтаре, очищают дом. Нарядно одетые, чаще всего, в национальную одежду, участники обряда рассаживаются по двум сторонам длинного стола в убранном помещении, освобожденном от лишних вещей. Стол, высота которого должна быть выше пупка, застилается алтарными буддийскими покрывалами, за неимением таковых – нарядными скатертями или платками. Перед каждым молящимся лежит книга либо рукописная тетрадь с текстами буддийских молитв *маани*. Эта тетрадь передается по наследству либо ее переписывают друг у друга, каждый лист обводят красной рамкой, обязательно указывается нумерация страниц.

Воспринимаемая как священный предмет, средство защиты от различных опасностей и опора благополучия [Базаров, Бураева, 2015, с. 118], вне службы книга хранится дома на почетном месте – *хойморе* (северной стороне), обычно кладется сверху *гунгарбы* (специального шкафа для культовых предметов), ее предметное положение самое высокое. Книги заворачивают в материю (*жаньши*), вкладывают в нарядный тряпичный конверт либо кладут в специальный ящик (*хайрсаг*, *абдар*, *хобто*) [Базаров, Бураева, 2015, с. 119].

Каждая из участниц моления в руках держит четки *эрхи*, помогающие в подсчете количества повторений мантр.

А. С. Дылгырова, Е. Л. Тирон, В. В. Розумович, О. Ц.-Д. Сансуева. Материалы экспедиции хранятся в Государственном Российском Доме народного творчества им. В. Д. Поленова, Республиканском центре народного творчества Республики Бурятия.

На столе стоят молитвенные барабанчики *хурдэ*, представляющие собой закрытые с двух сторон цилиндры на оси с мантрами внутри: вращение *хурдэ* во время службы участницами *сангарила* равносильно чтению молитв.

Кроме того, на столах в качестве подношения стоят лампадки *зула*, возжигание которых символизирует достижение Просветления, а также чашечки со злаками (ими могут быть пшеница, ячмень, горох, рис, пшено, рожь и овес), разбрасывание которых в определенные моменты службы символизирует подношение цветов и *муу юумэ дараха* – подавление плохого, негативного.

Во время *сангарила* также может использоваться небольшой медный или серебряный колокольчик *хонхо* в паре с *ваджрой*², которые символизируют женское и мужское начала [Трофимова, 2016, с. 402], высшую мудрость и твердость духа. В буддизме *ваджра* является символом неизменности и нетленности природы просветленного ума, абсолютной реальности [Герасимов, 2018, с. 296]. Звук колокольчика – символ солнечной энергии – очищает отрицательную карму, символизирует мудрость пустоты, помогает в достижении высшей тантры [Герасимов, 2018, с. 297]. «Звук колокольчика соотносится с речью Будды, в ритуалах его звон призывает мудрость всех Будд, взывая к ясности ума учеников, а его заглушающее звучание напоминает о непостоянстве всех вещей» [Трофимова, 2016, с. 404]. Колокольчик звучит на границе разделов и в течение некоторых из них. Жесты рук – определенные движения при игре на колокольчике – означают угощение, приношение [Дондупов, 2004, с. 96].

К вопросу о структуре и содержании сангарила

Утром перед проведением *сангарила* и накануне вечером участвующие в нем не едят мяса, допустима только молочная пища. Перед тем как начать молебен, хозяева дома могут поднести присутствующим чай с молоком *манжа*, в данном контексте воспринимающийся как подношение божествам. Информанты объясняют глубокий смысл этого действия: традиция подношения верующими чайного напитка *манжа* монахам во время проведения службы возникла еще во времена Будды Шакьямуни. Через это действие, самое малое, но искреннее подношение монахам, верующие получают добродетели *буйн* от совершения духовной практики Даяния.

Далее начинается чтение молитв *маани*, сочетающееся с произнесением магических формул-заклинаний *тарни*³. Список *маани*, по-видимому, является общим для разных районов Бурятии [Жамсуева, 2022, с. 727]. Так, один из информантов исследователя Д. С. Жамсуевой указывает, что в Хоринске читают *Этигэл, Ногоон-Сагаан-Дара-эхэ, Арьябаалын зальбарал, Арбан зургаан бурханай зальбарал, Санжад монлам*, а также прославления *юрөөл / магтаал*. В завершении всех *маани* читают *Базарсада* и *Мэгзэм* [Жамсуева, 2022, с. 726].

Приведем в Таблице последовательность разделов трех *сангарил*ов, записанных в ходе Всероссийской фольклорно-этнографической экспедиции. Первый *сангарил* был зафиксирован в с. Ушхайта Кижингинского района Республики Бурятия 17 октября 2023 г., его проводили семнадцать жительниц села 1946–1978 годов рождения. Участниками второго *сангарила*, организованного 17 октября 2023 г. в с. Кижинга Кижингинского района Республики Бурятия и сопровождающего плетение маскировочных сетей для отправки участникам специальной военной операции (СВО), стала группа «Серебряные волонтеры» – девять женщин 1945–1972 годов рождения. Третий *сангарил*, также посвященный участникам СВО, был зафиксирован 19 октября 2023 г. в с. Хоринск Хоринского района Республики Бурятия от группы из восьми женщин 1940–1968 годов рождения.

² *Ваджра* – символ буддизма, олицетворение божественной истины учения Будды, род небольшого скипетра, который выглядит как «перехваченный посередине пучок молний с загнутыми концами (известны одинарный, двойной, тройной, крестообразный варианты)» [Буддизм, 1992, с. 88]. Его держат в правой руке, тогда как *хонхо* берут в левую руку [Будажапова, 2012, с. 75].

³ *Тарни* – «буддийские мантры, магические формулы, обычно из нескольких слогов, содействующие улучшению кармы и спасению человека» [Цыбенков, 2011, с. 130].

В Таблице совпадающие разделы *сангариллов* выделены курсивом. Большинство текстов являются общими для всех трех или для каких-либо двух служб, однако имеются и немногочисленные различающие их фрагменты. При сохранении в целом общей последовательности молитв порядок следования текстов *сангарила* также варьирует. В начале либо близко к началу каждого из трех *сангариллов* один либо все участники одновременно произносили имена тех, кому посвящена служба.

Таблица 1
Последовательность разделов *сангариллов* в с. Ушхайта, с. Кижинга и п. Хоринск

Table 1

The sequence of sections of *sangarils* in the village of Ushkhaita, the village of Kizhing and the village of Khorinsk

с. Ушхайта	с. Кижинга	п. Хоринск
<i>Этигэл</i>	Этигэлэй хамба ламын бүтээл	Ешэ Лодой Римбуушын солдэб
<i>Гандан-Лхабжа</i>	<i>Этигэл</i>	<i>Этигэл</i>
<i>Ламаадан</i>	<i>Гандан-Лхабжа</i>	<i>Гандан-Лхабжа</i>
<i>Лама Шодбо</i>	<i>Жадамба</i>	Зулын юроол (зажигают лампадки)
<i>Жадамба</i>	<i>Сундуй</i>	<i>Ламаадан</i>
<i>Сундуй</i>	<i>Ламаадан</i>	<i>Лама Шодбо</i>
<i>Дуниаг</i>	<i>Лама Шодбо</i>	<i>Дуниаг</i>
<i>Алтан гэрэл</i>	<i>Дуниаг</i>	<i>Ногоон Дара Эхэ</i>
<i>Цэдо</i>	<i>Алтан гэрэл</i>	<i>Ногоон Дара Эхын хурялга</i>
<i>Найман гэгээн</i>	<i>Он-до-гой тарни</i>	<i>Сагаан Дара Эхэ</i>
<i>Даши-Зэгбэ</i>	<i>Найман гэгээн</i>	<i>Найман гэгээн</i>
<i>Доржо Жодбо (хатуу юумэ заһаха)</i>	<i>Даши-Зэгбэ</i>	<i>Даши-Зэгбэ</i>
<i>Арьяа-Баалын зальбарал</i>	<i>Доржо-Жодбо</i>	<i>Дуниуур маани</i>
<i>Сагаан Дара Эхэ</i>	<i>Арьяа-Баалын зальбарал</i>	<i>Арбан зургаан бурхадай зальбарал</i>
<i>Ногоон Дара Эхэ</i>	<i>Арьяа-Баалын ехэ тарни</i>	<i>Богдо Зонховодо магтаал</i>
<i>Дара Эхын зальбарал</i>	<i>Сагаан Дара Эхэ</i>	<i>Арбан табан бурхадай магтаал</i>
<i>Лэгбэрээмэ</i>	<i>Ногоон Дара Эхэ</i>	<i>Эхэ эсэгын магтаал</i>
<i>Дара Эхын магтаал</i>	<i>Дара Эхын зальбарал</i>	<i>Загуурдин юрөөл</i>
<i>Лайжад</i>	<i>Дара Эхэ бурханай магтаал</i>	<i>Диваажанай юрөөл</i>
<i>Табан харюулга (Сагаан Шүхэртэ)</i>	<i>Дара Эхын Лайжад</i>	<i>Майдарай юроол</i>
<i>Шэрнин</i>	<i>Сагаан шүхэртэ</i>	<i>Санжад Монлом</i>
<i>Ногоон Дара Эхэ</i>	<i>Шэрнин</i>	<i>Буяанай зорюулга</i>
<i>Базар Бидаргын тарни</i>	<i>Арбан зургаан бурхадай зальбарал</i>	
<i>Хабша Нагба</i>	<i>Митугба тарни</i>	
<i>Арбан зургаан бурхадай зальбарал</i>	<i>Отошын мургэл, тарни</i>	
<i>Минтугба (алдуу эндүү арилгах)</i>	<i>Долоон Отошын зальбарал</i>	
<i>Отошо бурхан,</i>	<i>Санжад Монлом</i>	
<i>Санжад Монлом</i>	<i>Шамбалын юрөөл,</i>	
<i>Дэмбрэл Додбо</i>	<i>Загуурдин юрөөл</i>	
<i>Маани Гульбиин Сэмжэд</i>	<i>Нагби Монлам</i>	
<i>Далай ламын магтаал</i>	<i>Диваажанай юрөөл</i>	
<i>Богдо Зонховодо магтаал</i>	<i>Майдарай юрөөл</i>	
<i>Арьяа-Баалын магтаал</i>	<i>Дэмбрэл Додбо</i>	
<i>Арбан табан бурхадай магтаал</i>	<i>Маани Гульбиин Сэмжэд</i>	
<i>Бурхан Багишын магтаал</i>	<i>Богдо Зонховодо магтаал</i>	
<i>Хүүгэн Хотогтын магтаал</i>	<i>Арьяа-Баалын магтаал</i>	
<i>Эхэ эсэгын магтаал</i>	<i>Арбан табан бурхадай магтаал</i>	
<i>Худанай ламын магтаал</i>	<i>Бурхан Багишын магтаал</i>	
<i>Даши</i>	<i>Дара Эхэ бурханай магтаал</i>	
<i>Базарсада (буруу уншаһанаа заһаха)</i>	<i>Хэжэнгын дасанай магтаал</i>	
<i>Отошо бурханда зорюулга</i>	<i>Эхэ эсэгын магтаал</i>	
<i>Мэгээм юһэн шата</i>	<i>Мааниин зургаан үзэг</i>	
<i>Бурханай тарнинууд (долоо, долоо уншаха)</i>	<i>Худанай ламын магтаал</i>	
<i>Бурхадтаа зорюулга</i>	<i>Далай ламын магтаал</i>	
	<i>Дуниуур маани</i>	

	Даша Базарсада Тарнинууд Юнэн шатын мэгзэм Зорюулга Буянаа суургалха	

Во всех *сангарилах* молитвы *маани* и *тарни* перемежаются хвалебными песнопениями *магтаал*, в которых воспеваются буддийские божества и ценности учения, прославляются имена лам и дацаны⁴ [Дашиева, 2019]. *Магталы*, появившиеся у бурят в связи с распространением с XVI–XVII вв. буддийского учения⁵ и связанные с письменной традицией бытования, представляют собой тексты религиозного характера, оригинальные произведения поэтического творчества. По содержанию религиозные *магталы* делятся на группы, среди которых выделяются: а) *магталы*, прославляющие священные места, горы и т. д. (гору Сумеру, гору У-Тайшань, Лхасу, Алтай, Хангай); б) *магталы*, воспевающие красоту, величие различных буддийских храмов; в) *магталы*, в которых прославляются отдельные божества, религиозные деятели, ламы (*Шакьямуни*, *Авалокитешвара*, *Манджушири*, *Амитабха*, *Ямантака*, *Дзонхава*, Белая и Зеленая Тара, *Майтрея*, *Лхамо*) [Шаракшинова, 2000, с. 60]. К последним относятся *Арья Балын магтаал*, *Далай ламын магтаал*, *Арбан табан бурхадай магтаал* и др.

Конкретный набор текстов *магталов*, входящих в *сангарил*, может варьироваться – в основном, в отношении *магталов* местным ламам, *субурганам* (буддийским ступам), местности. Согласно полевому исследованию, в каждом из районов бытуют излюбленные тексты *магталов*. Так, например, в Еравнинском р-не наиболее распространены тексты про Сандалового Будду из Эгитуйского дацана *Зандан-жуу*, про Эгитуйский и Агинский дацаны [Кондратьева, Новикова, 2003; Леонова и др., 2009]. Приведем *магтаал*, записанный в Хоринском районе.

АРЬЯА-БААЛЫН МАГТААЛ

Тэрэгүүн дэгээн титэмтэй
Тэгшэ мянган мотортой
Арьяа-Баала нэрэтэй,
Арбан нэгэн нюуртай,
Альган бэрээ нюдэтэй,
Амитанише үшээгшэ
Ум Маани Бадмээ Хум

Великая бодхисатва
С тысячью рук,
С именем Арьяа Баала,
С одиннадцатью ликами,
С глазами на каждой ладони,
Покровительница живых существ.
Ум Маани Бадмээ Хум.

Шанар сайтай залаатай
Шэгэмууни ухаатай
Аршаанай уһатай
Арсаланай хюлгатай
Ум Маани Бадмээ Хум

Просветленная великим учением
Будды Шакьямуни,
С водой *амрита* аршана,
Со львиным взором.
Ум Маани Бадмээ Хум.

⁴ *Магтаалы* – восхваления, прославления, представляют собой стихотворные произведения, в которых в поэтической форме перечисляются красота, достоинства, заслуги воспеваемого объекта или субъекта. Для *магталов* характерен больший по сравнению с благопожеланиями объем, наличие всестороннего художественного описания прославляемого предмета, относительная устойчивость текста, завершенность поэтически возвышенной речи-восхваления.

⁵ Считается, что религиозные *магталы*, восхваляющие буддийские божества и храмы, места их расположения, появились позже традиционных *магталов*, направленных на умиловивление, задабривание богов, ограждения от несчастий, достижения удачи на охоте и во всех начинаниях, а также благополучия и продолжения рода [Эдлеева, 2013, с. 33]. К. Е. Эдлеева отмечает, что «для проповеди буддийского верования для широких народных слоев в более доступной форме использовались различные оригинальные образцы монгольского поэтического творчества. Не остался без внимания и жанр *магтала*, выразительную форму которого буддийское духовенство приспособило для своих целей» [Эдлеева, 2013, с. 32].

Утай сангиин уулатай,
Боди модон оронтой,
Гүндүү самбуу сэсэгтэй,
Гун хайхан ухатай.
Ум Маани Бадмээ Хум

С дымными воскурениями гору,
Дерево Просветления имеющая страна,
С безграничным подношением цветов,
С прозрачными чистыми водами.
Ум Маани Бадмээ Хум.

Табан зугуун сүмэтэй,
Тахил бүрээ шүтоонтэй
Танцаг ламын шажантай
Түгэс жаргалангай орон биш...
Ум Маани Бадмээ Хум.

С пятьюстами пещерами,
С почитаемыми святынями,
С верой благородного Учителя,
Преисполненная счастьем страна.
Ум Маани Бадмээ Хум.

В данном *магтале* воспевается буддийское божество *Арья Баала*⁶, дается его описание, место, откуда оно пришло, восхваляется его Учение. *Арья Баала* представлено как бодхисаттва с одиннадцатью головами, тысячей рук, на каждой ладони – по глазу. Согласно буддийской мифологии, давным-давно *Авалокитешвара* пообещал *Амитабхе*, что избавит все сущее в шести обителях от перерождений и приведет их к нирване, даже отдав в жертву этому обету свою свободу и спокойствие. В противном случае он распадется на тысячу мелких кусочков. Бодхисаттва очень старался, и избавление всего сущего действительно ему удалось, но в мире появлялись все новые и новые рожденные. Тогда Будда понял, что не сможет сдержать обет. От отчаяния его туловище разорвалось на маленькие кусочки. *Амитабха* вместе с *Ваджрапани* восстановили бодхисаттву, придав ему вид тысячерукого одиннадцатиголового существа. На всех руках было по глазу, а десяток лиц выражали мир, и только одно – гнев. Так Будда мог следить за всем сущим и помогать двигаться к пробуждению. В третьей строфе *магтаала*, по видимому, описывается священная страна Будды с деревом *бодхи*, под которым он достиг Просветления.

Следует отметить, что одним из структурообразующих элементов этого *магтала*, как и большинства буддийских произведений, является традиционная молитвенная формула, которая повторяется после каждого стиха, в конце сочинения: *От та ни бад ме хум – Ом мани бадме хум*.

Взаимодействие *магталов* не только с фольклорными жанрами и их явлениями, но и с молитвами в процессе буддийского моления *сангарил* во многом способствует обеспечению им долгой жизни.

Звучание *маани* и *магталов* существенно различается из-за разницы в интонационном строе данных элементов обряда. Так, *маани* в соответствии с традициями ламаистских служб исполняются ансамблевым речитативом [Дашиева, 2010, с. 196], в котором важна синхронность произнесения текста молитвы всеми участниками [Дондупов, 2004]. Интонационный строй *магталов* определяется их связью с песенной традицией бурят: информанты охотно исполняют их и вне службы, называя *буддын дуун* (буддийские песни) / *магтаал дуун* [Кондратьева, Новикова, 2003]. Л. Д. Дашиева указывает на связь *магталов* со стилем долгой протяжной песни *ута дуун* [Дашиева, 2010, с. 196–197], «подчеркивающий уникальную красоту и изящность бурятского мелоса, большую ритмическую свободу в отличие от жесткой ритмоформульности буддийских молитв *маани*» [Дашиева, 2019, с. 231]. По экспедиционным данным авторов статьи, *магтаалы* как вне *сангарила*, так и внутри него распеваются на типовые песенные напевы, функционирующие в данном сообществе верующих, в том числе те, на которые поются скорые песни *түргэн*

⁶ *Авалокитешвара*, или *Арья Баала*, – воплощение бесконечного сострадания всех Будд, Будда Сострадания. *Арья Баала* – бурятское название божества. По-тибетски оно звучит как *Ченрезиг*, по-монгольски *Жанрайсиг*, по-китайски *Гуаньшунь*, по-японски *Каннон*, по-вьетнамски *Куан Тхе Ам*, по-калмыцки *Арьябала* [Буддизм, 1992, с. 28]. *Авалокитешвара* – одно из главных божеств в буддизме. Он одаривает всех своим состраданием и отвечает на просьбы просящих.

дуун или, например, песни кругового танца *ёохор*. При этом к привычной четырехстрочной песенной строфе, в которой пары строк последовательно объединяются образным параллелизмом, может добавляться припев с мантрой *Ом мани бадме хум*.

Что касается языка молитв, то до сих пор встречаются пожилые миряне, сохранившие практику чтения буддийских текстов на старомонгольском и тибетском [Базаров, 2020, с. 655]. Некоторые также воспроизводят молитвы на этих языках по памяти. Однако в настоящее время, поскольку большая часть верующих смысл тибетского и старомонгольского текстов не понимает, набирает движение чтения канонических текстов на бурятском языке. Все чаще в *сангариле* используются книги, молитвы в которых изложены кириллической графикой и адаптированы к современному бурятскому литературному языку (см. об этом [Базаров, 2020, с. 655; Жамбалова, 2011, с. 92]). Но даже если *маани* читаются на тибетском или монгольском, *магталы* боже-ствам, ценностям учения, учителям и дацанам звучат на бурятском языке.

После завершения *сангарила* участники передают собранные ими деньги как подношение хозяевам дома в знак благодарности, что они помогли накопить добродетели *буян*, а хозяева, в свою очередь, угощают их и в ответ каждому дарят подарки *гарай бэлэг*.

Заключение

Традиция проведения *сангарила* приобрела сегодня особую актуальность в связи с женским волонтерским движением в помощь бойцам специальной военной операции: *сангарилы* проводят женщины, плетущие сети, изготавливающие свечи и пр. с целью усилить охранительно-сберегающие функции своих изделий. В целом, *сангарил* – это действующая в народной среде обрядовая традиция, ставшая выразителем культурных ценностей и традиций бурятского народа и одним из факторов его этнической идентичности [Буддизм, 2014, с. 91].

Список литературы

Бадмажапов Ц.-Б. Буддийская гимническая поэзия бурят // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье: науч. изд. / Сост. и науч. ред. Ц. П. Ванчикова. М.: Феория, 2008. С. 224–229.

Базаров А. А. Перевод (адаптация) буддийских канонических текстов с тибетского и старомонгольского языков на бурятский // Вестник КИГИ РАН. 2020. № 13 (3). С. 652–660.

Базаров А. А., Бураева С. В. Традиционная книжность ординарного человека Восточной Сибири и Монголии: социально-археографическое исследование // Вестник БНЦ. 2015. № 2. С. 117–133.

Базаров А. А., Ринчинов О. С. Буддийская книжная повседневность Бурятии: геоинформационные подходы к реконструкции культурного явления // Библиосфера. 2016. № 1. С. 11–18.

Будажанова Л. Б. Буддийские термины в современном бурятском языке / Отв. ред. Э. Р. Раднаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 104 с.

Буддизм: Словарь / Л. Л. Абаева, В. П. Андросов, Э. П. Бакаева и др. Под общ. ред. Н. Л. Жуковской и др. М.: Республика, 1992. 287 с.

Буддизм в истории и культуре бурят / под ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 418 с.

Герасимов Р. В. Сакральное значение буддийских музыкальных инструментов (на примере *хонхо*, *дамару*, *ганлина*) // Искусство глазами молодых: Мат-лы X Междунар. науч. конф. Красноярск: Сибирский гос. ин-т искусств им. Дмитрия Хворостовского, 2018. С. 295–299.

Дашиева Л. Д. Буддийские песнопения бурят: к вопросу жанровой типологии // Память мира: историко-документальное наследие буддизма: Мат-лы науч.-практ. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 196–201.

Дашиева Л. Д. Буддийские песнопения в обрядовой культуре бурят // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований: Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвященной 80-летию академика РАН, проф. В. И. Рассадина, 30-летию создания тофаларской пись-

менности и 20-летию сойотской письменности, 11–14 ноября 2019 г. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. С. 229–232.

Дондунов Д. Д. К вопросу о музыкальной составляющей буддийского ритуала в Бурятии // Музыка и ритуал: структура, семантика, специфика: Мат-лы междунар. науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 447–451.

Жамбалова С. Г. Народный буддизм и сангарил у бурят // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). Культурология. С. 116–125.

Жамбалова С. Г. О народном буддизме в современной Бурятии // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 87–93.

Жамбалова С. Г. Новая народная религиозная практика бурят-буддистов – ответ на вызовы советского времени // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 1 (8). С. 53–58.

Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.

Жамбалова С. Г., Суворова А. С. Погребальная обрядность бурят: традиции, трансформации, возрождение (XIX – начало XXI в.). Иркутск: Отгиск, 2017. 276 с.

Жамсуева Д. С. Функциональное назначение некоторых обрядов бурят, посвященных всеобщему благополучию и лучшему перерождению // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 721–731.

Жуковская Н. Л. Современный ламаизм (на материалах Бурятской АССР) // Жуковская Н. Л. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013. С. 280–309.

Кондратьева М. Н., Новикова О. В. Об итогах музыкально-этнографической экспедиции в Еравнинский район республики Бурятия // Народная культура Сибири: Материалы XII науч.-практ. семинара Сибирского регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 85–86.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов. Отв. ред. д-р филос. наук В. В. Мантатов. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1983. 235 с.

Леонова Н. В., Новикова О. В., Попова Ю. С., Сыченко Г. Б. Сибирская этномузыкологическая экспедиция. Итоги работы 2006 г. // Сибирский музыкальный альманах, 2006. Новосибирск, 2009. С. 207–217.

Сабиров Р. Т. Буддисты-миряне: проблемы классификации и подходы к изучению // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11, № 4 (38). С. 43–51.

Трофимова Е. А. Символическое и ритуальное значение колокольчика и ваджра в тибетском буддизме // Буддизм Ваджраяны в России: Традиции и новации / Отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин; сост. В. М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2016. С. 402–407.

Цыбенков Б. Д. Из истории буддизма хори-бурят (XVIII – нач. XX в.): учеб. пособие. Улан-Удэ: Изд. ВСГУТУ, 2011. 136 с.

Шаракишинова Е. К. Современное бытование бурятских магталов и соло // Актуальные проблемы бурятского языка, литературы, истории: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 2000. С. 59–62.

Эдлеева К. А. Традиция бытования монгольских магталов // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 29–34.

References

Badmazhapov Ts. -B. Buddiyskaya gimnicheskaya poeziya buryat [Buddhist hymnic poetry of Buryats]. In *Zemlya Vadzhrapani. Buddizm v Zabaykal'e: nauch. izd.* [Vajrapani Land. Buddhism in Transbaikalia: scientific edition]. Ts. P. Vanchikova (Comp. and Sci. Ed.). Moscow, Feoriya, 2008, pp. 224–229. (In Russ.)

Bazarov A. A. Perevod (adaptatsiya) buddiyskikh kanonicheskikh tekstov s tibetskogo i staromon-gol'skogo yazykov na buryatskiy [Translation (adaptation) of Buddhist canonical texts from Tibetan

and Old Mongolian languages into Buryat]. *Oriental Studies*. 2020, vol. 13 (3), pp. 652–660. (In Russ.)

Bazarov A. A., Buraeva S. V. Traditsionnaya knizhnost' ordinarnogo cheloveka Vostochnoy Sibiri i Mongolii: sotsial'no-arkheograficheskoe issledovanie [Traditional bookishness of the ordinal man of Eastern Siberia and Mongolia: a socio-archaeographic study]. *Bulletin of the BSC SB RAS*. 2015, vol. 2, pp. 117–133. (In Russ.)

Bazarov A. A., Rinchinov O. S. Buddiyskaya knizhnaya povsednevnost' Buryatii: geoinformatsionnye podkhody k rekonstruktsii kul'turnogo yavleniya [Buddhist book everyday life of Buryatia: geo-information approaches to the reconstruction of the cultural phenomenon]. *Bibliosphere*. 2016, vol. 1, pp. 11–18. (In Russ.)

Budazhapova L. B. *Buddiyskie terminy v sovremennom buryatskom yazyke* [Buddhist terms in the modern Buryat language]. Radnaev E. R. (Ed. in Ch.). Ulan-Ude, Buryat State University, 2012, 104 p. (In Russ.)

Buddizm: Slovar' [Buddhism: Dictionary]. Abaeva L. L., Androsov V. P., Bakaeva E. P. (Comps.). Zhukovskaya N. L. (Ed.). Moscow, Respublika, 1992, 287 p. (In Russ.)

Buddizm v istorii i kul'ture buryat [Buddhism in the history and culture of the Buryats]. I. R. Garri (Ed.). Ulan-Ude, Buryaad-Mongol Nom, 2014, 418 p. (In Russ.)

Dashieva L. D. Buddiyskie pesnopeniya buryat: k voprosu zhanrovoy tipologii [Buddhist chants of the Buryats: to the question of genre typology]. In *Pamyat' mira: istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma: Materialy nauchno-prakt. konf.* [Memory of the world: historical and documentary heritage of Buddhism: Proceedings of the scientific and practical conf.]. Moscow, Russian State Humanitarian University, 2010, pp. 196–201. (In Russ.)

Dashieva L. D. Buddiyskie pesnopeniya v obryadovoy kul'ture buryat [Buddhist chants in the ritual culture of buryats]. In *Aktual'nye problemy mongolovednykh i altaisticheskikh issledovaniy: Materialy III Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy 80-letiyu akademika RAEN, prof. V. I. Rassadina, 30-letiyu sozdaniya tofalarskoy pis'mennosti i 20-letiyu soyotskoy pis'mennosti, 11–14 noyabrya 2019 g.* [Actual problems of Mongol and Altaic studies: Proceedings of the III International scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Academician of RANS, Prof. V. I. Rassadin, the 30th anniversary of the creation of Tofalar writing and the 20th anniversary of Soyot writing, 11–14 November 2019]. Elista, Kalmyk State University, 2019, pp. 229–232. (In Russ.)

Dondupov D. D. K voprosu o muzykal'noy sostavlyayushchey buddiyskogo rituala v Buryatii [On the question of the musical component of the Buddhist ritual in Buryatia]. In *Muzyka i ritual: struktura, semantika, spetsifika: Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Music and ritual: structure, semantics, specificity: Proceedings of the International scientific conference]. Novosibirsk, 2004, pp. 447–451. (In Russ.)

Edleeva K. A. Traditsiya bytovaniya mongol'skikh magtalov [The tradition of the existence of Mongolian magtals]. *Scholarly almanac "Traditsionnaya kul'tura"*. 2013, vol. 1, pp. 29–34. (In Russ.)

Gerasimov R. V. Sakral'noe znachenie buddiyskikh muzykal'nykh instrumentov (na primere khonkho, damaru, ganlina) [Sacral value of Buddhist musical instruments (on the example of honkho, damaru, ganlin)]. In *Iskusstvo glazami molodykh. Materialy Kh Mezhdunar. nauch. konf.* [Art through the eyes of the young. Materials of the X Intern. scientific conf.]. Krasnoyarsk, Dmitry Hvorostovskiy Siberian State Institute of Arts, 2018, pp. 295–299. (In Russ.)

Kondrat'eva M. N., Novikova O. V. Ob itogakh muzykal'no-etnograficheskoy ekspeditsii v Eravninskiy rayon respubliky Buryatiya [On the results of the musical and ethnographic expedition to the Evravinsky district of the Republic of Buryatia]. In *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 12 nauch.-praktich. seminarov Sibirskogo region. vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Proceedings of the 12th scientific-practical seminar of the Siberian regional university centre for folklore]. Omsk, Omsk State Pedagogical University, 2003, pp. 85–86. (In Russ.)

Lamaizm v Buryatii 18 – nachala 20 veka: Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoy sistemy [Lamaism in Buryatia 18th – early 20th century: Structure and social role of the cult system]. G. R. Galdanova, K. M. Gerasimova, D. B. Dashiev, G. T. s. Mitupov (Comps.). V. V. Mantatov (Ed. in Ch.). Novosibirsk, Nauka, 1983, 235 p. (In Russ.)

Leonova N. V., Novikova O. V., Popova Yu. S., Sychenko G. B. Sibirskaya etnomuzykologicheskaya ekspeditsiya. Itogi raboty 2006 g. [Siberian ethnomusicological expedition. Results of 2006]. In *Sibirskiy muzyka'nyy al'manakh, 2006* [Siberian musical almanac, 2006]. Novosibirsk, 2009, pp. 207–217. (In Russ.)

Sabirov R. T. Buddisty-miryane: problemy klassifikatsii i podkhody k izucheniyu [Lay Buddhists: classification problems and approaches to study]. *Oriental Studies*. 2018, vol. 11, is. 4 (38), pp. 43–51. (In Russ.)

Sharakhshinova E. K. Sovremennoe bytovanie buryatskikh magtalov i solo [Modern existence of Buryat magtals and solo]. In *Aktual'nye problemy buryatskogo yazyka, literatury, istorii: Tez. dokl. region. nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of Buryat language, literature, history: Theses of reports of the regional scientific conference]. Irkutsk, 2000, pp. 59–62. (In Russ.)

Trofimova E. A. Simvolicheskoe i ritual'noe znachenie kolokol'chika i vadhra v tibetskom buddizme [Symbolic and ritual significance of the bell and vajra in Tibetan Buddhism]. In *Buddizm Vadhrayany v Rossii: Traditsii i novatsii. Kollektivnaya monografiya. Nauchnoe izdanie* [Vajrayana Buddhism in Russia: Traditions and Innovations. Collective monograph. Scientific edition]. A. M. Alekseev-Apraksin (Ed. in Ch.). V. M. Dronova. V. M. Dronova (Eds.). Moscow, Almazny Put, 2016, pp. 402–407. (In Russ.)

Tsybenov B. D. *Iz istorii buddizma khori-buryat (18 – nach. 20 v.): ucheb. posobie* [From the history of Khori-Buryat Buddhism (18th – early 20th centuries): textbook]. Ulan-Ude, ESSUTM, 2011, 136 p. (In Russ.)

Zhambalova S. G. Narodnyy buddizm i sangaril u buryat [Folk Buddhism and sangaril at the bur-yats]. *Humanitarian Vector. Philosophy, Cultural Studies*. 2014, vol. 2 (38), pp. 116–125. (In Russ.)

Zhambalova S. G. Novaya narodnaya religioznaya praktika buryat-buddistov – otvet na vyzovy so-vetskogo vremeni [The new folk religious practice of Buryat Buddhists is a response to the challenges of the Soviet era]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 2015, vol. 1 (8), pp. 53–58. (In Russ.)

Zhambalova S. G. O narodnom buddizme v sovremennoy Buryatii [About folk Buddhism in modern Buryatia]. *Humanitarian Vector*. 2011, vol. 2 (26), pp. 87–93. (In Russ.)

Zhambalova S. G. *Profannyi i sakral'nyy miry ol'khonskikh buryat* [The profane and sacred worlds of the Olkhon Buryats]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 400 p. (In Russ.)

Zhambalova S. G., Suvorova A. S. *Pogrebal'naya obryadnost' buryat: traditsii, transformatsii, vozrozhdenie (19 – nachalo 21 v.)* [Burial rites of the Buryats: traditions, transformations, revival (19th – early 21st centuries)]. Irkutsk, Ottisk, 2017, 276 p. (In Russ.)

Zhamsueva D. S. Funktsional'noe naznachenie nekotorykh obryadov buryat, posvyashchennykh vseobshchemu blagopoluchiyu i luchshemu pererozhdeniyu [Functional purpose of some rites of bur-yats dedicated to general well-being and better rebirth]. *Mongolian Studies*. 2022, vol. 14, iss. 4, pp. 721–731. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. Sovremennyy lamaizm (na materialakh Buryatskoy ASSR) [Modern Lamaism (based on materials from the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic)]. In Zhukovskaya N. L. *O buddizme i buddistakh. Stat'i raznykh let. 1969–2011: sb. st.* [About Buddhism and Buddhists. Articles of different years. 1969–2011: collection of articles]. Moscow, Orientaliya, 2013, pp. 280–309. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
23.01.2024

Сведения об авторах

Новикова Ольга Владимировна – Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки, доцент кафедры музыкального образования и просвещения, кандидат искусствоведения, доцент (Новосибирск, Россия)

E-mail: novikova_o_v@mail.ru.

ORCID 0000-0001-8436-8213

Дылгырова Аюна Санжижаповна – Восточно-Сибирский государственный институт культуры, доцент кафедры этнологии и народной художественной культуры, кандидат филологических наук (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: adilgirova@mail.ru.

ORCID 0009-0007-8200-2147

Гымпилова Сэсэгма Дмитриевна – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, кандидат филологических наук (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: gymps70@yandex.ru.

ORCID 0000-0002-4251-3379

Information about the Authors

Novikova Olga Vladimirovna – Candidate of Art Studies, Docent, Department of the Musical Education and Enlightenment, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: novikova_o_v@mail.ru.

ORCID 0000-0001-8436-8213

Dylgyrova Ayuna Sanzhizhapovna – Candidate of Philology, Docent, Department of Ethnology and Folk Art Culture, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: adilgirova@mail.ru.

ORCID 0009-0007-8200-2147

Gympilova Sesegma Dmitrievna – Candidate of Philology, Researcher, Department of Literary and Folklore Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: gymps70@yandex.ru.

ORCID 0000-0002-4251-3379